

вершенно новымъ для него посту, умѣлъ дѣлать то съ волнующеюся молодой стихіей, что не давалось ни одному другому изъ имѣющихъ куда большій педагогическій опытъ. Каждый разъ, когда онъ выходилъ къ студентамъ, онъ умѣлъ ихъ уговорить, успокоить, его встрѣчали и провожали сердечными бурными аплодисментами, почти каждый разъ на рукахъ выносили въ переднюю...

Политехники боготворили «своего князя», вѣрили и подчинялись только ему одному. Чѣмъ же объяснялась популярность и сила этого человѣка? Честная молодежь инстинктомъ чувствовала родственное, горячее, правдивое и вѣчно молодое сердце. Сердце, умѣвшее любить, вѣрившее въ молодежь, въ идеалы красоты, добра и правды. Такимъ именно былъ князь тогда, такимъ быть, говорить, въ молодые годы, такимъ знали его всѣ до конца его дней. Труженикъ, любившій науку, сознающій ея значеніе, вѣршій въ будущее Великой Россіи, призывавшій къ работѣ, знанію и любви къ родинѣ, зотый, по мнѣнію насъ — студентовъ той эпохи, идеальный человѣкъ, не произносить демагогическихъ рѣчей; онъ говоритъ правду, и сердце молодежи чувствовало эту правду, вѣрило своему князю и подчинялось дорогому начальнику.

Горько, невыразимо горько, что не стало этого хорошаго, чистаго, столь нужнаго будущей Россіи, человѣка. Его доброе сердце не выдержало ужаса общаго страданія, униженія родины и торжества зла и невѣжества. «Богъ взялъ его къ себѣ», пишетъ княжна Софія Андреевна братьямъ въ короткой записочкѣ изъ Псковской губ. Да, дорогая княжна, — Вы правы; Богъ не могъ не приблизить къ себѣ эту свѣтлую, чистую душу, подалше взять ее отъ ужасовъ сегоднѣшняго дня. Много искреннихъ молитвъ подымется въ эти дни къ Престолу Всевышняго объ упокоеніи души дорогого незабвеннаго покойнаго.

А. Стаховичъ

НАШЪ КНЯЗЬ АНДРЕЙ ТРИГОРЬЕВИЧЪ

Г А Г А Р И Н Ъ

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ мы, молодые студенты, впервые увидѣли нашего перваго Директора Института, князя Гагарина. Мы тогда плохо отдавали себѣ отчетъ, съ кѣмъ мы имѣли дѣло, но съ годами образъ его выросалъ и становился глубже и ярче. Рѣдко на собраніяхъ бывшихъ воспитанниковъ имя его не упоминалось, и все больше было теплоты и преклоненія въ нашихъ воспоминаніяхъ о немъ.

Если къ комунибудь въ жизни подходило опредѣленіе «свѣтлой личности», то несомнѣнно онъ имѣлъ всѣ данныя для этого. Еще до открытія Института насъ петербургцевъ, подавшихъ прошеніе о пріемѣ, вызвали въ Канцелярію, и здѣсь нашъ Директоръ произвелъ намъ опросъ. Надо было видѣть въ какой обстановкѣ это происходило: Главное Зданіе еще не было закончено, и Князь насъ принималъ въ маленькой деревянной дачѣ, въ небольшой комнатѣ, заваленной бумагами, гдѣ мѣсто было только для стола, шкафа и двухъ стульевъ. Входя въ комнату съ волненіемъ и нѣкоторой боязнью передъ начальствомъ, мы подъ влияніемъ простаго обхожденія и простыхъ словъ опроса быстро приходили въ себя и уходили обнадеженные. Вопросы его сводились къ нашему семейному положенію, къ нашимъ знаніямъ иностранныхъ языковъ и предпочитаемымъ наукамъ. Незвѣстно, какое это имѣло вліяніе на рѣшеніе о нашемъ пріемѣ; можетъ быть столичныхъ кандидатовъ съ круглыми пятерками въ аттестатахъ было столько, что среди нихъ пришлось еще выбирать. Какъ бы то ни было,

первое впечатлѣніе было не начальственного, а добраго отцовскаго отношенія.

Въ день открытія Института, 2-го октября 1902 года, собравшіеся въ актовомъ залѣ, мы были подавлены грандіозностью новаго зданія съ его бѣдыми колоннами, громаднымъ вестибюлемъ, и мы чувствовали себя совершенно потерянными въ этой величественной обстановкѣ. И тутъ первая привѣтственная рѣчь нашего Князя была рѣзкимъ контрастомъ со всѣмъ окруженіемъ. Онъ не былъ ораторомъ, и его голосъ и манера говорить были какъ то невняты и проникнуты скромностью. Видно было, что онъ не созданъ для публичныхъ выступленій. Слова его были отеческіе, видимо шли отъ сердца, безъ всякихъ прикракъ. И это опредѣлило тонъ всѣхъ нашихъ будущихъ отношеній съ нимъ.

Онъ былъ на рѣдкость доступенъ и въ первое время устройства нашей жизни широко шелъ навстрѣчу всѣмъ нашимъ пожеланіямъ и ни въ чемъ намъ не было отказа.

Когда заговорили съ нимъ о теннисной площадкѣ, онъ нашелъ, что одной не было достаточно и были устроены двѣ площадки. Когда зашла рѣчь о шахматахъ и просили о трехъ-четырехъ доскахъ, онъ настоялъ на 10-ти играхъ и столахъ. Когда мы заговорили о новой тогда игрѣ въ пинг-понгъ, — онъ отвелъ намъ большую залу внизу перваго Общежитія и сразу заказалъ 6 столовъ. То же было съ оборудованіемъ гимнастическаго зала и фехтовальными принадлежностями. Онъ насъ опредѣленно тогда баловалъ.

И это отношеніе чувствовалось при всѣхъ личныхъ встрѣчахъ. Онъ смотрѣлъ на насъ, какъ на «своихъ» студентовъ, доступъ къ нему былъ открытъ всѣмъ; многимъ онъ помогалъ матеріально, когда нечѣмъ было платить за Общежитіе; но главная его забота о насъ сказалась при политическихъ арестахъ, когда онъ пускалъ въ ходъ свои родственныя связи съ директоромъ департамента полиціи и лично бралъ арестован-

ныхъ студентовъ крайніе лѣвыхъ партій «на поруки». Князь искренно вѣрилъ, что «его» студенты не способны на какую либо антиправительственную дѣятельность и намъ пришлось слышать его телефонный разговоръ въ волнительные дни нахождения бомбы на чердакѣ общежитія съ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, когда онъ увѣрялъ, что «мои студенты не дѣлаютъ бомбъ и не могли ихъ прятать на чердакѣ»..

И когда войска двинулись къ Лѣвскому, въ тѣ грозные Треповскіе дни «патроновъ не жалѣть», кто сторожилъ закрытыя ворота нашего Института, какъ не Князь съ профессоромъ-завѣдующимъ студентами В. В. Скобелѣвичемъ? Они дежурили у воротъ, чтобы грудью своей защитить Институтъ.

И теперь только на разстояніи многихъ лѣтъ поняли мы поведеніе Князя въ волнительные «Гапоновскіе» дни января 1905-го года. 9-го января на Полицейскомъ мосту убитъ былъ шальной пулей студентъ Института Савинкинъ. Князю сообщили объ этомъ по телефону изъ Максимилиановской лѣчебницы, куда убитый былъ доставленъ. Князь тотчасъ распорядился перевезти тѣло въ Институтъ и по телеграфу извѣстили родственниковъ покойнаго. Приѣхали мать и братъ убитаго. Имъ устроили помѣщеніе въ Общежитіи, тѣло выставили въ актовомъ залѣ, служили панихиды и на 3-ій день торжественно похоронили за счетъ Института. Хоронили его на Охтенскомъ кладбищѣ. И за гробомъ, покрытымъ красными вѣнками и красными лентами, при пѣніи «Мы жертвою пали въ борьбѣ роковой», съ понижшей головой шелъ нашъ Князь, одинъ, отдѣленный отъ массы студентовъ. Тогда мы не отдавали себѣ отчета всего величія его жертвеннаго жеста, его, монархиста, слѣдовавшаго съ революціонной толпой за гробомъ убитаго революціонера. Только одно объясненіе возможно, — что онъ своей грудью хотѣлъ защитить «своихъ» студентовъ отъ возможныхъ нападковъ: нагаекъ, сабель, а то и пулъ полиціи.

Къ учебной части онъ имѣлъ мало отношенія, но

почему то тоже захотѣлъ быть преподавателемъ и для этого выбралъ англійскій языкъ. По началу у него былъ только одинъ слушатель — пишущій эти строки, и темой для чтенія Князь выбралъ «Теорію дымовыхъ колець» какого-то англійскаго физика. И тутъ сказалась вся странность его натуры — онъ искренно увлекался новостью этого изслѣдованія и настолько заражалъ своимъ интересомъ своего слушателя, что эти два часа въ недѣлю ожидались съ рѣдкимъ нетерпѣніемъ и предвкушеніемъ предстоящаго увлекательнаго общенія.

Князь былъ высоко образованнымъ артиллеристомъ и, когда его изъ Артиллерійскаго Управленія, гдѣ онъ служилъ, назначили на должность Директора открывающагося Политехническаго Института, онъ былъ уже извѣстенъ своимъ интереснѣйшимъ приборомъ для измѣренія давленія внутри лущечныхъ стволовъ при выстрѣлахъ. Этотъ приборъ вызвалъ большой интересъ въ кругахъ специалистовъ, былъ выставленъ на Всемирной выставкѣ въ Парижѣ въ 1900 году, тамъ получилъ золотую медаль, и благодаря ему имя Князя стало извѣстно въ иностранныхъ научныхъ кругахъ. По всему своему складу ума, наклонностямъ и вкусамъ это былъ прирожденный мечтатель-изобрѣтатель. Не будь онъ назначенъ Директоромъ Института, онъ продолжалъ бы работать по своей специальности и оставилъ бы по себѣ несомнѣнный научный слѣдъ.

Его склонность къ отвлеченному созерцанію сказывалась въ любви къ классической камерной музыкѣ. Онъ пытался насадить у насъ квартетные вечера, и организованные имъ концерты носили отпечатокъ его личности, какъ въ выборѣ музыки, такъ и въ ихъ интимной простотѣ.

Но всему этому благородному влиянію нашего Князя на студенческую жизнь въ Институтѣ не суждено было укорениться и дать плоды. Несчастное событіе съ найденной полиціей бомбой вызвало увольненіе Князя и отдачу его подъ судъ. На созванной по этому поводу многолюдной сходкѣ Князь пытался ус-

покоить взволнованную студенческую массу личнымъ выступленіемъ и указаніемъ на то, что онъ, вѣрноподанный своего Государя, долженъ подчиниться Высочайшему приказу и просить студентовъ дать ему исполнить долгъ его совѣсти безъ ненужныхъ волненій и забастовокъ.

Характерно, что всѣ имѣвшіяся въ Институтѣ партіи, какъ характера революціоннаго, такъ и чрезвычайно умѣреннаго, сошлись на резолюціи не признавать происшедшаго увольненія и продолжать считать Князя своимъ единственнымъ законнымъ Директоромъ. И принято это было единогласно и съ большимъ воодушевленіемъ.

Въ доказательство студенческихъ чувствъ преданности Князю былъ произведенъ рядъ коллективныхъ групповыхъ снимковъ съ нимъ. Былъ приглашенъ фотографъ Булла, и нѣсколько часовъ подрядъ онъ снималъ насъ съ Княземъ, сперва въ группѣ Совѣта Старость со всѣми его членами и с.-р., и с.-д., и к.-д., — никто не уклонился; а потомъ пошли групповые снимки отдѣльныхъ курсовъ всѣхъ отдѣленій вмѣстѣ съ Княземъ. Все это продолжалось цѣлое утро и было показательно для отношенія студенчества къ своему Директору. Такого порыва и единенія не было ни въ одномъ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи.

Всѣ курсы во главѣ съ Совѣтомъ Старость составили трогательные адреса въ цѣнныхъ обложкахъ и депутаціи читали ихъ Князю, принятія имъ на его квартирѣ. Князь стоялъ облокотившись на роуль, подъ ногами вертѣлся его младшій пятилѣтній сынъ, за занавѣсомъ стояла княгиня, все носило незабываемый характеръ интимной сердечности и любовной простоты. Воспоминаніе объ этомъ днѣ, его обстановкѣ и образѣ Князя врѣзались въ память на всю жизнь всѣхъ присутствовавшихъ.

Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка, мы теперь богаты жизненнымъ опытомъ, и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше сознаемъ, что такого Директора никогда ни у

кого не было и не будет, и судьба осчастливила насъ, поставивъ «нашего» Князя на нашѣмъ пути. Память о его свѣтлой личности мы пронесли черезъ всю жизнь, и она не блекнетъ, а все ярче даетъ себя знать, какъ одно изъ самыхъ драгоценныхъ воспоминаній далекой одной юности.

Честь и слава и вѣчная память нашему незабываемому дорогому Князю.

Е. А. Вечоринъ.

Адресъ студентовъ Политехническаго Института,
поднесенный князю А. Г. Гагарину
6 марта 1907 г.

Глубокоуважаемый, дорогой
князь Андрей Григорьевичъ,

Не легко разставаться съ близкимъ человѣкомъ. Но особенно больно и тяжело бываетъ тогда, когда этого близкаго чело́вѣка отнимаютъ, нарушая элементарныя требованія законности и справедливости, когда видишь, что его незаслуженно оскорбляютъ и чувствуешь себя безсильнымъ помочь ему.

Мы, студенты С.-Петербургскаго Политехническаго Института, силою обстоятельствъ, переживаемъ, разставаясь съ Вами, именно такія тяжкія минуты. Правительство, безсильное привлечь къ отвѣту все студенчество, борющееся съ нимъ во имя демократическихъ идеаловъ, выбираетъ Васъ какъ директора Института своею жертвою и обрушивается на Васъ со всею силою тягостной репрессіи, особенно тягостныхъ потому, что они направлены на чело́вѣка ни въ чемъ не повиннаго. Васъ, отдавнаго всѣ силы на служеніе Институту, Васъ любимаго и уважаемаго всеми студентами, Правительство предаетъ суду. Но кромѣ этого казеннаго суда есть и другой судъ, судъ общественнаго мнѣнія. И этотъ судъ уже произнесъ свой приговоръ —

но не надъ обвиняемымъ, а надъ обвинителемъ. Резолюціи, вынесенныя на сходкахъ или на засѣданіяхъ представительныхъ органовъ высшихъ учебныхъ заведеній С.-Петербурга и другихъ городовъ, цѣлый рядъ привѣтствій со стороны профессорскихъ совѣтовъ, Академическаго союза и другихъ общественныхъ организацій, всѣ сходятся въ общемъ чувствѣ глубокаго уваженія къ Вамъ, какъ къ чело́вѣку и академическому дѣятелю и самаго искренняго негодованія по отношенію къ тѣмъ, которые оторвали Васъ отъ любимой дѣятельности.

Отъ лица студентовъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института мы высказываемъ Вамъ, глубокоуважаемый Андрей Григорьевичъ, чувства самой искренней привязанности, глубочайшаго уваженія къ Вамъ, какъ къ гуманному сердечному чело́вѣку и, выражая горячее пожеланіе о Вашемъ дальнѣйшемъ участіи въ ученой дѣятельности Института, приносимъ нашу искреннюю благодарность Вамъ, какъ главѣ того учебнаго заведенія, въ которомъ многіе изъ насъ пережили вмѣстѣ съ Вами много и тяжелыхъ и радостныхъ дней въ послѣдніе годы, столь богатые событіями.

Всѣ ненормальности въ ходѣ академической жизни, всѣ столкновенія съ администраціей, являвшіяся отголоскомъ общерусскихъ событий и не разъ грозившія существованію Института и безопасности студентовъ — всѣ онѣ проходили сравнительно благополучно въ значительной степени благодаря Вамъ и Вашей самоотверженной заботливости объ Институтѣ и студентахъ. Отдавая всего себя на служеніе своему дѣлу въ своихъ попеченіяхъ о студентахъ, Вы не ограничивались одной академической сферой, но приходили къ намъ на помощь во всѣхъ трудныхъ случаяхъ нашей жизни и дѣлали для насъ все, что могли.

Глубокоуважаемый, дорогой Андрей Григорьевичъ, Вы любили свое дѣло, Вы любили тѣхъ, на заботу о которыхъ положили столько энергіи и трудовъ, — и мы, студенты, платимъ Вамъ единственнымъ чѣмъ можемъ:

горячей привязанностью и благодарностью. Съ Вами будут связаны одни из лучших воспоминаний о наших студенческих годах и память о Васъ, какъ о свѣтлой личности, надолго не изгладится въ С.-Петербургскомъ Политехническомъ Институтѣ.

Слѣдуетъ около 900 подписей.

Второй адресъ, поднесенный князю Андрею Григорьевичу Гагарину студентами Политехническаго Института послѣ суда, въ апрѣль 1909 года.

Глубокоуважаемый князь Андрей Григорьевичъ,

Болѣе двухъ лѣтъ прошло съ той поры, когда Вы были насильно оторваны отъ любимаго дѣла. Это не малый срокъ для текучаго, быстро смѣняющагося состава студентовъ. Однако, Ваше имя такъ неразрывно связано съ нашимъ Политехническимъ Институтомъ, съ его недолголѣтней, но полной событіями исторіей, что мы привыкли соединять съ нимъ представленіе о Васъ, намъ родномъ и близкомъ; ни одна товарищеская беседа, гдѣ заходитъ рѣчь о пережитыхъ годахъ, не обходится безъ воспоминаній о Васъ, о томъ, что Вы сдѣлали, что и когда сказали. Для старыхъ студентовъ ярко оживаетъ память о томъ времени, о томъ укладѣ академической жизни, когда лучше, теплѣе и уютнѣе они чувствовали себя въ Институтѣ. Для молодыхъ становится понятнымъ, чѣмъ и почему наше учебное заведеніе еще недавно выдѣлялось изъ среды другихъ.

Заботамъ объ Институтѣ и о многообразныхъ студенческихъ нуждахъ была посвящена вся Ваша дѣятельность. Вы принимали близко къ сердцу и ходъ учебныхъ занятій и жизнь нашихъ студенческихъ учреждений и общія условія ихъ быта. Ваша всегдашняя доступность, Ваша отзывчивость, Ваша сердечная привѣтливость, Ваши неустанныя хлопоты за попавшихъ въ бѣду товарищей не могли и не могутъ остаться безъ единодуш-

наго благодарнаго отклика. Очень многіе изъ насъ лично обязаны Вамъ за теплое участіе въ ихъ судьбѣ, за рѣдкую готовность помочь совѣтомъ и дѣломъ въ трудную минуту ихъ жизни. Вспомните, князь, сколькимъ Вы оказали матеріальную поддержку, вспомните сколькихъ Вы избавили отъ тюрьмы.

Ваша обаяние сказывалось даже въ тѣ бурные моменты недавнихъ лѣтъ, когда отдѣльныя лица какъ бы переставали существовать, когда ихъ мѣсто захватывалъ одинъ общій возбужденный порывъ, одно коллективное стремленіе. Даже въ эти моменты, неизвѣстно какимъ чудомъ, Вамъ часто удавалось заставить передумать и взять назадъ рѣшеніе, отказать отъ котораго за минуту передъ тѣмъ намъ казалось немислимымъ.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, съ какимъ чувствомъ ждали мы суда надъ Вами. Это было судъ надъ тѣмъ отношеніемъ учебнаго начальства къ студентамъ, которое единственно можетъ создать прочное искреннее и довѣрчивое отношеніе вмѣсто тяжелой атмосферы взаимнаго непониманія и обстановки двухъ враждующихъ лагерей.

Приговоръ Сената не явился для насъ неожиданностью. По условіямъ политическаго момента Вы оказались бы правы въ глазахъ суда лишь въ томъ случаѣ если бы предпочли въ свое время, путемъ рекомендованныхъ мѣръ, избавиться отъ тяжелой личной отвѣтственности и подвергнуть роковымъ послѣдствіямъ, быть можетъ, цѣлыя сотни студентовъ. Вы избрали иной путь. Вы не уклонились отъ удара и пострадали сами, загородивъ собою **вашихъ** студентовъ. Общественное мнѣніе и будущій историкъ академической жизни правильно оцѣнили Вашъ выборъ. Мы же ничѣмъ, кромѣ нашей горячей благодарности, кромѣ самаго искренняго, идущаго отъ всего сердца сочувствія, не можемъ отплатить Вамъ за это и просимъ Васъ вѣрить, что долго политехники будутъ Васъ вспоминать и любить своего князя.

Около двухъ тысячъ подписей.